

© 2023. Л. А. Сапченко

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия

Чувствительный автор и строгий историк в очерке Н. М. Карамзина «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича»

Аннотация: В статье предпринято исследование исторических очерков Карамзина, опубликованных в «Вестнике Европы» (1802–1803) и представляющих различные модификации образа историка («умный историк», «робкий историк», «беспристрастный историк», «легкомысленный историк», «строгий историк» и др.). Обращение к очерку «О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» позволяет автору статьи утверждать, что в преддверии написания своего исторического труда Карамзин создает образ чуждого лести и опирающегося только на достоверные свидетельства Русского Историка-патриота, чье слово звучит как неподкупный голос истины не только в фактологическом смысле, но и в государственно-патриотическом. По наблюдениям исследователя, в анализируемом очерке доминирует точка зрения «строгого историка», оценивающего деятельность правителя с позиции общегосударственных интересов («государственной нравственности»), что не совпадает с восприятием событий чувствительным автором и знаменует важный рубеж в идейной эволюции Карамзина.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, история России, образ историка, мироощущение, самоидентификация, познание, истина, государство, император.

Информация об авторе: Любовь Александровна Сапченко, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7982-0893>

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.02.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.03.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Сапченко Л. А. Чувствительный автор и строгий историк в очерке Н. М. Карамзина «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-6-23>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 6–23. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 6–23. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023 Liubov A. Sapchenko

Ulyanovsk State University of Education
Ulyanovsk, Russia

A Sensitive Author and a Strict Historian in the Essay by N. M. Karamzin “On the Moscow Rebellion in the Reign of Alexei Mikhailovich”

Abstract: The article undertakes a study of Karamzin’s historical essays published in the “Vestnik Evropy” (1802–1803) and representing various modifications of the image of a historian (“smart historian,” “timid historian,” “impartial historian,” “frivolous historian,” “strict historian” and etc.). Referring to the essay “On the Moscow Rebellion in the reign of Alexei Mikhailovich” allows the author of the article to assert that on the eve of writing his historical work, Karamzin creates an image of an alien flattery and relying only on reliable evidence of the Russian Patriot Historian, whose word sounds like an incorruptible voice of truth not only in factological sense, but also in the state-patriotic one. According to the researcher’s observations, the analyzed essay is dominated by the point of view of a “strict historian,” who evaluates the activities of the ruler from the standpoint of national interests (“state morality”), which does not coincide with the perception of events by a sensitive author and marks an important milestone in Karamzin’s ideological evolution.

Keywords: N. M. Karamzin, history of Russia, image of a historian, attitude, self-identification, knowledge, truth, state, emperor.

Information about the author: Liubov A. Sapchenko, DSc in Philology, Professor, Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State University of Education, 4/5 Lenin Sq., 432071 Ulyanovsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7982-0893>

E-mail: ssj-sla@mail.ru

Received: February 16, 2023

Approved after reviewing: March 30, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Sapchenko, L. A. “A Sensitive Author and a Strict Historian in the Essay by N. M. Karamzin ‘On the Moscow Rebellion in the Reign of Alexei Mikhailovich.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 6–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-6-23>

Читателям Карамзина до сих пор кажется парадоксальным превращение русского путешественника и автора чувствительных повестей в историка государства Российского. На самом деле ничего неожиданного здесь нет. Карамзин испытывал постоянный интерес к истории развития человечества. Многообразное в жанровом отношении карамзинское наследие может быть подведено под общий знаменатель: всё, о чем он пишет, охвачено взглядом историка. История народов является важной тематической и концептуальной составляющей «Писем русского путешественника»; исторический дискурс присутствует и в «Бедной Лизе», и в «Наталье боярской дочери», где сразу же проявляется принцип работы будущего российского историографа: оживлять события минувшего творческим воображением. Однако цель писателя, как считает Карамзин, — сказать правду о прошлом и настоящем, постигнуть действительную жизнь, а не уйти в страну воображения.

Разочаровавшись в поэзии как «чародействе красных вымыслов», вводящих от реальности, Карамзин переходит к «существенности», к обобщающему уразумению всего того, что волнует мыслящего человека, с надеждой обрести истину в познании человеческой истории.

Если формированию исторической концепции Карамзина, принципам его работы посвящено немало исследований [Всеобщая история], [Маджаров], [Свердлов], то его самоосмысление, самоидентификация, его определение себя как историка еще не стало предметом специального исследования.

Поиски самоопределения были свойственны писателю еще до того, как он решил стать российским историографом. В «Похвальном слова Екатерине» (1802) Карамзин предстает, по его собственным словам, как оратор, зритель, патриот, историк, глашатай истины, поэт, истинный российский дворянин, политик.

Его видение образа собственно историка менялось с течением времени. Целостное представление о нем складывался у Карамзина по-

степенно, по мере прохождения через противно- и сопоставление различных подходов к истории и через осознание роли историка в судьбе государства. В течение всей творческой жизни Карамзина в нем шел процесс познания самого себя как дееспособного и гражданина.

Так, в одах Карамзина, посвященных русским императорам и императрицам, рядом с главой государства находится автор, который становится одним из героев произведения. Он предстает и как поэт, и как историк, причем оба они — питомцы муз. В «Оде на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому» (1796) читаем:

Кто, чувством сердца вдохновенный,
Усердьем к трону восхищенный,
Гремит народу: «Царь отец!»
Гремит, и в сердце проникает,
Гремит, и слезы извлекает?
Питомец нежный муз — певец.

Кто память добрых сохраняет,
С потомством дальним заключает
Монархов дружеский союз?
Историк: он питомец муз [Карамзин 1966: 186–187].

В стихотворениях 1801 г.: «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу Всероссийскому на восшествие Его на престол» и «На торжественное коронавание его императорского величества Александра I, самодержца Всероссийского» — также присутствует образ вдохновенного Поэта, правдиво и свободно воспевающего «Друзей добра нелицемерных, / Могущих истину сказать!» [Карамзин 1966: 264] и честного Историка, обеспечивающего связь времен и провозглашающего единство царя и народа. Поэта и историка объединяет способность видеть истину и смелость говорить правду властителям, влиять на высшие сферы.

Спектр образов историка (достоверный историк, вдохновенный историк) отчасти представлен также в карамзинском «Пантеоне российских авторов» (1802) и других его сочинениях. Чисто информативные, казалось бы, статьи «Пантеона» соприкасаются на деле с некими

субстанциональными для Карамзина проблемами: 1) как совместить беспристрастный способ изложения исторических сведений с соображениями самого историка; и 2) кто или что определяет исторические судьбы народов. Здесь соединяются звенья «цепи существ»: Бог — Государь — Историк. К этой триаде Карамзин не раз обращался в своих сочинениях. Как творца истории он мыслил и историка, поскольку именно через него народ узнает свою историю и осознает сам себя.

В очерке «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре» (1802) Карамзин отметил: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах» [Карамзин 1802: 46]. Пренебрежение к отечественной истории, считает Карамзин, уводит человека от истинных ценностей и замыкает его в суетной повседневности.

Художественное произведение может быть «зеркалом окружающих предметов», но приблизиться к пониманию истины могла лишь человеческая история, понимаемая Карамзиным как осуществление «плана Провидения». Не литература и не критика, и даже не философия — лишь история, как полагал Карамзин, могла дать истинное знание о настоящем и будущем человечества.

28 сентября 1803 г. Карамзин обратился к М. Н. Муравьеву с просьбой сообщить государю о своем «ревностном желании написать историю, не варварскую и не постыдную для его царствования» [Карамзин 1845: 2]. Готовясь к этому, Карамзин в течение 1801, 1802 и 1803 гг. опубликовал в «Вестнике Европы» ряд материалов на историческую тему.

1802 г.: Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре (1802, № 15, 16); О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств (1802, № 24);

1803 г.: Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода (1803, № 1, 2, 3); Путешествие вокруг Москвы (1803, № 4); О тайной Канцелярии (1803, № 6); Известие о Марфе-Посаднице, взятое из жития Св. Зосимы (1803, № 12); Записки старого Московского жителя (1803, № 16); О Московском мятеже в царствование Алексея Михайловича (1803, № 18); Русская Старина (1803, № 20, 21) и др.

Все они свидетельствуют о том, что перед Карамзиным прямо встал вопрос: каким должен быть историк государства Российского. Если в «Письмах русского путешественника» образ историка еще не явля-

ется ключевым и упоминается в основном безоценочно, то в статьях «Вестника...» различные модификации этого образа представлены в очевидной авторской оценке: «умный историк», «робкий историк», «беспристрастный историк», «легкомысленный историк», «красноречивый историк», «просвещенный историк» и др. Карамзин в это время всерьез занят целями и возможностями познающего субъекта, его индивидуальными особенностями, проблемой его взаимодействия с объектом познания. Учет и анализ отмеченных разновидностей позволяет понять специфику выбора Карамзиным собственной позиции, реконструировать его представление о том, каким прежде всего должен быть историк и какова его миссия.

Вопрос, однако, осложняется тем, что выбранные Карамзиным основания для упомянутых дефиниций различаются между собой.

В качестве принципа классификации могут выступить личностные свойства субъекта познания, т. е. его способности, дарования, но также и его понимание цели обращения к истории, познавательный метод, нравственные установки. Будущий историограф государства Российского ищет свою позицию, принимает или отменяет те или иные варианты образа историка, уже имея в себе, безусловно, определяющие идеи. Стремление к точной и доказательной реконструкции прошлого, критический анализ источников служат лишь средством к достижению главной цели: через осмысление истории Российского государства воспитать в гражданах любовь к отечеству и народную гордость. Изучение истории должно способствовать познанию истины.

Нераздельность истории и правды была аксиомой для Карамзина, но истина для него заключалась не только в правдивости и достоверности описаний, но и в любви к России, в способности постигать в ее судьбе волю и «план Провидения».

В публикациях «Вестника Европы» Карамзин осмысляет свое собственное обличье. Здесь он не только классифицирует различные образы историка, их возможные модификации, но и пытается идентифицировать сам себя, что выражается в соответствующих словесных определениях.

Разными гранями поворачивается образ историка в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре» (1802, № 15, 16). *Умный историк* должен рассказывать о событиях и людях минувших лет и об образе мыслей того времени («анекдоты»),

но он обязан также «рассуждать, и сказки отличать от истины» [Карамзин 1986: 300]. *Робкий историк*, «боясь заслужить имя дерзкого», без критики повторяет летописи, боится противоречить общепринятому мнению и таким образом «История делается иногда эхом злословия» [Карамзин 1986: 302]. Летописи могут грешить «бессмыслием или враждою». Историк обязан восстановить истину. Карамзин еще не принимает здесь на себя этой ответственности («я пишу теперь не Историю» [Карамзин 1986: 302]) и не берется решить вопрос о виновности или невинности Годунова в убийстве Димитрия. *Беспристрастный историк* дает взвешенную оценку Бориса Годунова, различая то, что можно осудить в царе Борисе, а что достойно признательности [Карамзин 1986: 306–307].

В «Известии о Марфе-Посаднице, взятом из жития Св. Зосимы» (1803) упомянуты «философ-историк», «умный живописец-автор», «сочинитель» исторических портретов, имеющий «талант и вкус». При этом автор проявляет себя и как профессионал, понимающий ценность уникального исторического источника: «...Зосима получил от совета новгородского грамоту на *владение островом*, с приложением осьми оловянных печатей: архиепископской, посадничей, *тысященачальнической и пяти концов города*. Если сия грамота донныне сохранилась в архиве Соловецкого монастыря, то она должна быть драгоценна для историка России, который может найти в ней имена последних народных чиновников новгородских: ибо, скоро по возвращении угодника в Соловецкую обитель, князь Иван Васильевич объявил войну сей республике и навеки уничтожил ее» [Карамзин 1984: 164].

Стоит отметить, что в повести «Марфа Посадница» (1803) беспристрастный историк России уступает место чувствительному автору («республиканцу в душе» [Карамзин 1897: 60]), и обнаруживает явную симпатию к древней Новгородской вольнице, хотя этому противостоит суровая необходимость ее подчинения монарху во имя государственной пользы.

При этом в «Известии о Марфе-Посаднице...» противопоставлены друг другу «историк-философ», которому политика вряд ли позволит в наше время «свободно и торжественно судить царствования Анны и Елисаветы»; и «умный живописец-автор», который «может в легких чертах представить их личные характеры с хорошей стороны и без леги» [Карамзин 1984: 165]. В «Известии...», кроме того, появился образ

скрупулезного исследователя, вооруженного «микроскопом исторической строгости»¹.

В тексте «Известия о Марфе-посаднице...» можно встретить также перифрастическое самописание историка: это «ум внимательный, одаренный *историческою догадкою*», который «может дополнять недостатки соображением» [Карамзин 1984: 164].

В «Известии о Марфе...» упомянут еще «благоразумный автор», который в рассуждении древности ... ограничит себя Нестором...» [Карамзин 1984: 164], т. е. не будет писать о том, что не подкреплено документальными источниками. Поэтому в очерке «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» (1803) Карамзин в самом начале отмечает следующее: «В этой пьесе нет ни одной черты, которая не была бы исторической в строжайшем смысле. Автор от слова до слова повторяет здесь известия чужестранцев, бывших очевидными свидетелями происшествия» [Карамзин 1803: 134]. *Благоразумный и строгий* историк здесь идентичны историку достоверному, опирающемуся только на документальные источники.

Личные качества историка, называемые сегодня в информационных системах, это: склонность к гуманитарным наукам, аналитический склад ума, хорошая память на даты, факты, имена и события, усидчивость, готовность к рутинной работе. Поразительно, но в этом списке отсутствует *честность* — то качество историка, которое Карамзин считал главным и которое дважды повторил Пушкин, называя карамзинскую «Историю...» «подвигом честного человека» (записка «О народном воспитании» и «Отрывки из писем, мысли и замечания») [Пушкин 1949: 47]

Карамзин постоянно возвращается к мысли о честности историка, не принимая утаивания истины или избирательного к ней отношения: «Летописцы наши не Тациты: не судили государей; рассказывали не все дела их, а только блестящие: воинские успехи, знаки набожности и проч.» [Карамзин 1986: 271] («О тайной канцелярии»). Сущность исто-

¹ «Новейшая русская история имеет также своих знаменитых женщин; напомним из них Наталью Кирилловну, дочь бедного дворянина, и царицу России, и мать Петра Великого, в девическом уединенном тереме и в царских чертогах равно смиренную, кроткую, добродетельную, так что никакой *микроскоп исторической строгости* не открывает в ее жизни ни малейшего пятна» (Курсив мой. — Л. С.) [Карамзин 1984: 165].

рического познания была для Карамзина не только гносеологической, но и морально-этической проблемой. Без полной правды нет истории. О том же говорится в карамзинской «Записке о печатании “Истории” без цензуры»: «... быть может, что цензоры не позволят мне, например, говорить свободно о жестокости царя Ивана Васильевича. В таком случае, что будет история?» (14 октября 1816 г.) [Карамзин 1899: 234].

Очерк «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» примечателен тем, что здесь Карамзин создает образ чуждого легионера Русского Историка, беспристрастного судьи царя, истинного гражданина, но при этом сторонника твердой власти: «Русский историк, с умилением прославив добродушие монарха, заметит, что оно перешло за границы государственного блага, которое в таких несчастных обстоятельствах утверждается более непоколебимым мужеством власти, нежели ея снисхождением. Народ слеп и безрассуден: решительностию Правителей он должен быть сам от себя спасаем» [Карамзин 1803: 135]. Вывод автора, в общем-то, недвусмыслен: «Мудрая верховная власть может быть снисходительною, но никогда не требует снисхождения: она прощает, но не просит — и благодарность должна быть чувством подданных, а не монарха» [Карамзин 1803: 142].

Ослабление монархической власти, по Карамзину, лишь утяжеляет «участь народа и гнет несправедливости. Уничтожение олигархии успокоило мятеж. “С этого времени царь Алексей Михайлович начал царствовать сам собою”» [Лотман 1987: 285].

Между тем суровому приговору историка, указавшего на опасность мягкосердечного правления, противостоит в статье другая точка зрения¹. Это «пленительная мысль» [Карамзин 1803: 142] писателя и человека, способного почувствовать «пылкую, юную душу» [Карамзин 1803: 141] царя, оценить его искренность и доверие к народу, понять его единственное желание — быть отцом народа и жить лишь для его счастья.

«Историк строгим саном своим обязан казаться иногда жестокосердным, и должен осуждать то, что ему как человеку любезно, но что бывает

¹ И. А. Гурвич отмечает, что «несогласия, раздвоение мысли — это, в сущности, типологический показатель всей художественно-прозаической системы Карамзина, это ее устойчивая черта...» [Гурвич 1987: 22].

вредным в правлении, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкие слезы свои, он скажет, что здравая политика, основанная на опытах и знании человечества, предписывала Царю Алексею Михайловичу совсем иные способы утешить мятеж...» [Карамзин 1803: 142].

Строгость историка понимается здесь не только как уровень его профессионализма, исследовательской безупречности его труда, подразумевается не только достижение выверенного знания. «Строгость» имеет в этом случае иной смысл: строгим историк должен быть по отношению к правителю, если тот своим мягкосердечием вредит интересам государства. В качестве доказательства своей правоты *строгий Историк* замечает, что «ужасный бунт» и «лютое исступление» народа происходят в царствование «государя доброго, милосердного, народолюбивого», тогда как «ужасы времен Царя Ивана Васильевича» народ «смирненно» и «великодушно» терпел [Карамзин 1803: 120].

Другими словами, созданный в очерке образ историка-гражданина не тождествен автору-человеку. Еще в «Похвальном слове Екатерине I» Карамзин замечал, что «Правило народов и Государей не есть правило частных людей» [Карамзин 1848: 282]. Именно в это время Карамзин вырабатывает само понятие «государственной нравственности». В его сочинениях происходит переоценка чувствительности: она осмысливается как противоположность нравственности. Мягкости предпочитается твердость — условие порядка и стабильности¹.

Восприятие событий чувствительным автором не совпадает с точкой зрения сурового «Историка России», который может «казаться» жестокосердным, но который трезво осознает, в чем состоит «госу-

¹ Поиски образа историка в «Вестнике Европы» шли параллельно с поисками образа идеального правителя. Карамзин публикует в журнале политические обозрения современности, постоянно обращаясь к наполеоновской теме. Карамзин поначалу видел в Наполеоне силу упорядочивающую, противостоящую беспорядкам и кровопролитию. Как пишет Ю. М. Лотман, «весь материал “Вестника” строго организован вокруг двух идеальных центров: положительного образа государственного мужа — практика, твердо направляющего к общему благу легкомысленных и эгоистичных людей <...>, и гибельного образа мечтателя на престоле, самые добрые намерения которого обращаются во вред государству» [Лотман 1987: 282].

дарственное благо», в чем была ошибка правителя, и единственной целью своей полагает «благодетельное нравоучение» [Карамзин 1803: 120]. Через очерк проходит мысль о необходимости «мудрого советника» для «мудрого управления государством». Этим советником не мог быть знатный боярин или чиновник, так как просьбы утесненных (их «челобитные») юный и неопытный царь отдавал, не читая, «на рассмотрение боярам», которые, жертвуя государственным благом ради своих «ничтожных побуждений», не хотели или боялись обличать виновных и «всякую жалобу представляли ему виде ложном» [Карамзин 1803: 128].

По словам В. П. Козлова, «для Карамзина власть аристократии, олигархии, удельных князей и власть народа — это не только две непримиримые, но и враждебные благоденствию государства силы. В самодержавии же, считает он, заключена сила, подчиняющая в интересах государства народ, аристократию и олигархию» [Козлов 1988: 18]. Не чиновники, не бояре, а Историк-гражданин предстает связующим звеном между народом и властью, ибо царь, «отделенный от народа Кремлевскую стеною, не знал, что делается за нею, и не слышал народного вопля» [Карамзин 1803: 126].

Историк России должен быть не просто объективен, он обязан судить о том или ином царствовании масштабно, обращая внимание не только на личность правителя (как чувствительный автор), но и, как строгий историк, на состояние государства в целом (именно так мыслит автор очерка «О московском мятеже...»).

Однако и образ историка в очерке раздваивается. Навеки растроганный «чувствительным сердцем» царя, автор говорит от первого лица о спасении царем Морозова, своего воспитателя, которого толпа была готова растерзать, но прислушалась к царской просьбе:

«Дерзну сказать, что эта минута была едва ли не самую прекраснейшею из тридцатидвухлетнего царствования Алексея Михайловича — <...> Одна пылкая, юная душа могла так отважно поручить народу свое драгоценное спокойствие! Жить единственно для счастья подданных, быть истинным отцом народным — сии обеты, подтвержденные царем в минуту живейшего чувства признательности, были, конечно, искренни и начертаны во глубине его сердца!.. мысль пленительная!.. Но для чего великая

наука управлять государствами не есть одно с прекрасными движениями чувствительности?..» [Карамзин 1803: 141–142].

И все же в очерке «О московском мятеже...» верх одерживает точка зрения *строгого* историка, однако под строгостью подразумевается здесь не только безупречный профессионализм исследователя, а его верность «государственной нравственности», которая не расходилась у Карамзина с понятием добросовестности и честности.

Карамзин «был апологетом просвещенного абсолютизма, что выразилось в искусном отборе фактов, интерпретации их с определенной политической точки зрения, – пишет В. П. Козлов. – “Уроки” прошлого вплетались в проблемы настоящего, а “История государства Российского” превращалась в публицистический документ, покоящийся на исторических фактах» [Козлов 1988: 20].

В своих политических выступлениях Карамзин пользовался как специалист «историческим материалом и не выходил из роли поучающего, морализующего историка» [Платонов 2006: 261]. Поэтому и в карамзинской публицистике, и в его исторических сочинениях, адресованных юному монарху, чистому и неопытному душой, неизменно сопутствует мудрый, «крепкий духом, непреклонный в советах» пестун, обязанный внушать молодому царю «правила твердой власти» [Карамзин 1998: 280]¹.

Будучи во многом единомышленником Руссо [Сапченко], Карамзин многие годы хранил веру в добрую природу человека, в его нравственное достоинство. Но в ходе дальнейшей эволюции Карамзин приходит к глубочайшему духовному кризису и убеждается в злой природе человека. Отсюда, как пишет Ю. М. Лотман, последовал вывод «о необходимости политики — внешнего, насильственного управления людьми ради их же собственного блага» [Лотман 1966: 46]. Карамзина привлекает внешняя по отношению к человеческой личности сила — государственная власть.

В материалах «Вестника Европы» «за образом доброго, но слабого и неопытного монарха, уступающего власть честолюбивым вельможам,

¹ Российский историограф не раз делал выписки из Руссо о монархии и самодержавии, сводящиеся к тому, что «Les plus actif d'un gouvernement est celui d'un seul» (наиболее действенное правление есть власть одного) [Лыжин 1858: 178].

легко просматривался Александр I» [Лотман 1987: 285]. В отношении к царю у Карамзина опять-таки различествовали чувство и долг («государственная нравственность»). Любя Александра «как человека» [Карамзин 2013: 198], историограф видел обязанность патриота в том, «чтобы в глаза царю критиковать разные стороны его политики» [Лотман 1997: 591]. Образ идеального правителя у Карамзина сочетал в себе не только юношескую силу, решительность, но и способность прислушиваться к мудрым советам. Этим в значительной мере и обуславливается присутствие в анализируемых текстах образа автора как учителя, умудренного наставника, как глашатая истины. Так позиционировал себя сам историограф государства Российского, воплощая это в своей жизненной практике.

Необходимость союза бодрой, пылкой юности и твердой, суровой мужественности доказывается Карамзиным и на других примерах русской истории. Об этом Карамзин будет говорить в записке «О древней и новой России» (1811), обращенной непосредственно к Александру I.

Несводимость автора к какому-то однозначному образу характерна для карамзинского творчества в целом. Множится и образ автора как историка: это «старый московский житель», «любитель истории», «Историк России», «умный историк», «русский патриот», «беспристрастный историк»), но можно всё же заметить, что доминируют два принципа, которым он старался следовать в своей работе: достоверность и патриотизм.

Всё это сказалось в самом его подходе к написанию «Истории государства Российского». Предпринятое им исследование прошлого не ограничивалось ни чисто научными целями, ни даже просветительскими. В Предисловии к «Истории...» он представляет ее как «священную книгу народов», т.е. как учительный жанр¹. Те или иные приемы работы

¹ В. О. Ключевский подверг «Историю государства Российского» жесткой критике, исходя из принципов современной ему науки: «Взгляд К[арамзина] на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за появлением нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях <...>. Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любо-

с материалом использовались с целью утверждения «государственной нравственности» и «неуклонного нравственного правосудия». Этим во многом обусловлены слова Пушкина в его записке «О народном воспитании» (1826): «...Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. <...> Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою...» [Пушкин 1949: 47].

В Предисловии к «Истории государства Российского» появляется еще один вариант образа: «легкомысленный историк», пренебрегающий обязанностью «представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах» [Карамзин 1984: 234]. «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир» [Карамзин 1984: 236], — пишет Карамзин. Но автор «Истории государства Российского» не только правдивый историк, он еще «Русский историк». Россию, как огромное по территории государство, он, вслед за Монтескье, «считал наиболее приспособленной для единовластия. Однако для того, чтобы власть эта была монархической, а не деспотической, необходимо просвещение граждан и высокоразвитое, хотя бы в политически активном меньшинстве, чувство чести» [Лотман 1997: 593]. Обладая этим качеством сполна, Карамзин видел себя, прежде всего, российским гражданином и пытался прямо воздействовать на государственную политику, отстаивая единодержавие, но самим своим вмешательством подрывая его неприкосновенность.

Период 1802–1803 гг. был рубежным в идейной эволюции Карамзина. Многие идеалы эпохи Просвещения и сентиментализма были им переосмыслены. Сентименталистская «автономия чувствительного сердца» уступает место «государственной нравственности». Возможно, этим обусловлено заглавие его труда: не просто история России, а история государства. Карамзин стремился «объяснить общий ход нашей исторической жизни и оценить его с нравственной точки зрения» [Платонов 2006: 268], но при этом существенную роль играли и его политические воззрения.

В итоге проделанной работы выявляются определенные черты мироощущения Карамзина, особенности его самоидентификация как

вался, хотел сделать из истории Р[оссии] героическую эпопею русской доблести и славы» [Ключевский 1983: 134].

историка, специфика его исследовательских качеств и этических установок, его ценностный выбор как познающего субъекта. Стремясь к научному историческому познанию, Карамзин, наряду с достоверными сведениями, предъявляет читателю также и свое отношение к событиям минувшего, свой собственный «строгий» взгляд на российских правителей и на историю отечества.

Список литературы

Источники

Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М.: Моск. рабочий, 1986. 525 с.

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. № 17. С. 30–47.

Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Н. М. Карамзина. СПб.: Изд-е А. Смирдина, 1848. Т. 1. С. 275–380.

Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб.: В тип. Н. Тиблена и Комп., 1862. Ч. 1. 240 с.

Карамзин Н. М. Письма к князю П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна: исторический сборник. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. Кн. 1. С. 1–204.

Карамзин Н. М. Письма к М. Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845. № 1. С. 1–16.

Карамзин Н. М. Письма к братьям. 1786–1826. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2013. 624 с.

Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.

Карамзин Н. М. Письма к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Январь. С. 211–238.

Карамзин Н. М. О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803. № 18. С. 119–145.

Карамзин Н. Сборник. М.: Новатор, 1998. 401 с.

Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 456 с.

Литературный симпозион. Из заметок путешественника, лето 1824 года // Русская старина. 1890. № 9. С. 450–456.

Лыжин Н. Альбом Н. М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М.: Тип. Грачева и комп., 1858. Кн. II. С. 161–192.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: АН СССР, 1849. Т. 11. 587 с.

Исследования

Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. ст. и сообщений: в 2 т. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020.

Гурвич И. А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1987. 118 с.

Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 416 с.

Козлов В. П. Н. М. Карамзин — историк // *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 4. С. 17–27.

Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 588–601.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Маджаров А. С. Н. М. Карамзин о нравственном начале и провидении в русской истории и историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. № 16. С. 40–47.

Платонов С. Ф. Карамзин-историк // Карамзин: Pro et Contra: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. СПб: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. С. 257–269.

Сапченко Л. А. «Дар искренней любви...» (Неизданный альбом Н. М. Карамзина) // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 8–57. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57

Свердлов М. Б. История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

References

Vseobshchaia istoriia i istoricheskaiia nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii: v 2 t. [General History and Historical Science in the 20th – Early 21st Century: Collection of Articles and Messages: in 2 vols.] Kazan, Kazan (Volga region) Federal University Publ., 2020. (In Russ.)

Gurvich, I. A. *O razvitii khudozhestvennogo myshleniia v russkoi literature (konets XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [On the Development of Artistic Thinking in Russian Literature (Late 18th – First Half of the 19th Century)]. Tashkent, Fan Publ., 1987. 118 p. (In Russ.)

Kliuchevskii, V. O. *Neopublikovannye proizvedeniia* [Unpublished Works]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 416 p. (In Russ.)

Kozlov, V. P. “N. M. Karamzin — istorik” [“N. M. Karamzin as a Historian”]. Karamzin, N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State], book 4. Moscow, Kniga Publ., 1988, pp. 17–27. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. “O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniakh Karamzina — pamiatnik russkoi publitsistiki nachala XIX veka” [“On Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations’ by Karamzin as a Monument of Russian Journalism of the Early 19th Century”]. Lotman, Iu. M. *Karamzin* [Karamzin]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1997, pp. 588–601. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)

Madzharov, A. S. “N. M. Karamzin o нравstvennom nachale i providenii v russkoi istorii i istoriografii” [“N. M. Karamzin on the Moral Principle and Providence in Russian History and Historiography”]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politologiiia. Religiovedenie*, no. 16, 2016, pp. 40–47. (In Russ.)

Platonov, S. F. “Karamzin-istorik” [“Karamzin-Historian”]. *Karamzin: Pro et Contra: lichnost’ i tvorchestvo N. M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei* [Karamzin: Pro et Contra: The Personality and Work of N. M. Karamzin in the Assessment of Russian Writers, Critics, Researchers]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2006, pp. 257–269. (In Russ.)

Sapchenko, L. A. “Dar iskrennei ljubvi...’ (Neizdannyi al’bom N. M. Karamzina)” [“A Gift of True Love...’ (N. M. Karamzin’s Unpublished Album)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 8–57. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-12-8-57 (In Russ.)

Sverdlov, M. B. *Istoriia Rossii v trudakh N. M. Karamzina* [History of Russia in the Works of N. M. Karamzin]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)